
— Марк Мацкевич —
Брачный контракт с опечаткой
18+

Марк Мацкевич

Брачный контракт с опечаткой

«Автор»
2026

Мацкевич М.

Брачный контракт с опечаткой / М. Мацкевич — «Автор», 2026

Рута Ланн соглашается на брак ради года аренды причала. Эмиль Тарвен хочет слышать за ужином, как прошёл её день. Но на свадьбе родовая печать достаётся Руте: в брачном контракте перепутали одну букву.Родня требует передать власть мужу. А на столе уже лежит приказ о закрытии переправы — той самой, ради которой Рута вышла замуж. На другом берегу ждут пассажиры, до моста семь вёрст, и просто отдать печать она не может.С Эмилем надёжно в лодке и всё труднее расставаться по вечерам. Вместе они ищут новую пристань и привыкают оставлять друг другу место рядом. Только об одном по-прежнему не разговаривают: почему приказ о закрытии был готов ещё до свадьбы.

© Мацкевич М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Супругу 6
Глава 2. Нижняя ступень 10
Глава 3. Пробный рейс 14
Глава 4. Нижняя зарубка 18
Глава 5. Калитка 22
Глава 6. Двойная зарубка 26
Глава 7. На общей строке 30
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Марк Мацкевич
Брачный контракт с опечаткой

Брачный контракт с опечаткой
Марк Мацкевич

Глава 1. Супругу

В день свадьбы у меня под юбкой промокло до колена. На нижней ступеньке причала волна накрыла сапог, а переобуться дома я уже не успевала. За столом шерстяной чулок понемногу остывал. Я сидела боком к жаровне и думала, что завтра наконец смогу возить людей с пристани, даже если при этом придётся зваться госпожой Тарвен.

Пристань отец брал у Тарвенов каждую весну на один сезон. После его смерти Ода перестала давать мне ключ. Три недели я таскала лодку волоком через ивняк. Последние две пассажирки, мать с дочерью, шли за мной босиком, придерживая юбки зубами. Когда мы выбрались на берег, мать заплатила как обычно, а девочка долго вытряхивала из башмака улитку. С тех пор я её на переправе не видела. Если и остальные пойдут через мост, придётся продавать лодку. Держать её для прогулок я себе позволить не могла.

Отдельный договор Ода даже не взяла у меня из рук. Когда Эмиль вписал год аренды в брачный контракт, она прочитала и согласилась. Я спросила его потом, чего он сам от меня хочет. Он сказал, что иногда приходит с мельницы уже затемно и, пока ест, слышит, как стынет печь. А ему хотелось бы услышать, как прошёл мой день. Я спросила, годится ли, если я до темноты на реке. Он сказал, что умеет разогревать ужин.

Теперь он сидел справа от меня и распутывал ленты на свёртке, который принёс писарь. Справлялся одной рукой. Другой держал за ножку мою рюмку, чтобы двоюродный брат не подлил в неё сливовицы.

— Подай чернила, — сказала ему Ода. — Как дочитаешь, сразу распоряжение подпишешь. От Семёна уже пришли.

Семён держал причал. Я обернулась к двери и увидела мальчишку, который помогал ему у цепи. Его пустили в переднюю, но дальше он не решался пройти. Держал шапку за подкладку, и с козырька на плитку капало. Я знала его имя. Летом он ходил по обнажившейся отмели и собирал свинцовые грузила, которые рыбаки оставляли на зацепах.

— Тишка, что там?

Он глянул на Оду. Она придвинула к себе блюдце, на котором с начала ужина лежала родовая печать.

— Сходни поднимаем, — сказал Тишка. — Семён спросил, цепь в сарай тащить или к воротам? У тёти Полины там ещё корзина. Она пошла за второй.

Я поставила обе ноги на пол. В мокром сапоге хлюпнуло, и этот звук за столом, среди свечей и чистых рукавов, рассердил меня сильнее, чем следовало.

— Пусть пока оставит цепь. Полину с берега кто повезёт?

— Ей передали про верхнюю дорогу, — ответила Ода. — Садись, Рута.

До моста по верхней дороге было семь вёрст, последние две по колее, в которой к ночи воды набиралось выше щиколотки. Полина ходила на базар с двумя корзинами. Когда одна пустела, она вкладывала её в другую и всегда держала на коленях, потому что на дне оставались укроп и пара яиц для внучки.

— Мне завтра открывать причал, — сказала я.

— Тебе сдали причал в аренду. Об открытии ещё надо говорить.

Подле локтя Оды лежал сложенный лист. Она расправила его ладонью и повернула к Эмилю. Я разобрала число, сегодняшнее, и два слова сверху, написанные широким пером. «Закрыть переправу». Ниже, где полагалось поставить оттиск нового главы, бумага была чистой.

Эмиль посмотрел на меня. Он уже выпускал мою рюмку, когда я вспомнила, как вчера он просил примерить ключ к поясу. Сам продел кольцо в петлю, дважды потянул, проверяя, крепко ли держится. Я тогда едва слушала, что он говорит. От его пальцев, случайно задевших

кожу между жилетом и юбкой, у меня внутри стало тихо, как бывает посреди реки, когда весло на миг выходит из воды.

Ключ сейчас был при мне.

— Дай сначала наш экземпляр, — попросила я.

Эмиль передал мне свёрток. Ода коротко стукнула ногтем по блюдцу, и он потянулся за печатью. Та легла ему поперёк ладони и вдруг выскользнула, хотя пальцы уже сомкнулись. Печать ударилась о стол, прокатилась по скатерти и оставила полосу в рассыпанной соли. Эмиль поймал её у моего локтя. Я подставила ладонь, чтобы он больше не гремел над ухом, и у меня в руке бронза сразу потеплела.

С дальнего конца стола перестали передавать хлеб.

— Писарь, — сказала Ода. — Прочтите пункт о держателе.

Он приподнял очки одним пальцем и наклонился над строкой. Я развернула наш экземпляр к свече. Строка нашлась сразу. На черновике я проскочила её глазами, пока искала аренду. Сейчас увидела, что в слове «супругу» последняя буква ушла хвостиком под строку, глубже, чем все прочие.

— Держателем родовой печати считать супругу, — прочитал писарь.

Ода пододвинула лист поближе к себе.

— Здесь было «супруга».

— В черновике, госпожа Тарвен. В Реестре теперь вот это.

Она взяла печать за ободок. Я разжала руку. Бронза стукнула о стол и на этот раз осталась лежать там, где упала.

— Утром подадим новый договор, — сказала Ода. — Рута подпишет передачу.

За дверью кто-то наконец дал Тишке полотенце. Он вытирал голову так усердно, что уши отогнулись. Я представила, как он побежит обратно по косогору с распоряжением под курткой. Если дать ему тот лист, к утру от пристани останутся сваи. Пожалуй, зря я злилась на чулок. Я промочила его, потому что нижняя ступень за неделю ушла под воду на целую ладонь. Отец велел бы сначала спуститься под настил и посмотреть, куда уходит земля.

— До утра пусть ничего не снимают, — сказала я. — Полину заберу сама с верхней отмели. На причал завтра спущусь при свете.

— На словах он от меня не примет, — сказал Тишка из передней. — Я в прошлый раз уже ходил.

Я отыскала на столе чистый лист и придвинула к себе чернильницу. Перо было расщеплено. На первом слове клякса задела край тарелки, и Эмиль молча убрал тарелку с моего пути. Пока я писала, он вынул пробку из банки с песком. Мы оба дотянулись до неё одновременно. Он придержал банку снизу, пока я насыпала песок на лист, и мне пришлось дышать через рот, чтобы не чувствовать, как от его рукава пахнет дымом и чем-то сладким, что он ел на кухне, пока ждал меня к ужину.

Писарь подал воск. Печать под моей ладонью вошла в него легко. На красной лепёшке проступила рыба с раскрытым ртом, которую я с детства видела на воротах. Под рыбой вышли мои «Р. Л.». До этого вечера там стояли Одины буквы.

Тишка сунул полотенце под мышку. Эмиль застегнул сюртук.

— Я отнесу, — сказал он. — Семён со мной спорит дольше, чем делает. Если выйду сейчас, успеет и то и другое.

Я сложила лист вчетверо и протянула ему.

— Чьё распоряжение? — спросила Ода.

Эмиль задержался у жаровни. Я видела, как по его рукаву от локтя к запястью проходит свет, когда он убирает бумагу во внутренний карман.

— Главы рода, тётя.

Он забрал с вешалки свой плащ и Тишкину шапку. Уже на крыльце окликнул меня по имени.

— Ты правда собралась за Полиной в этих сапогах?

— Правый сухой.

Он помедлил.

— Встретимся у нижней калитки. У меня на двоих сухих хватит.

Дверь за ним притворилась. Ода села на его место, близко, так что я почувствовала сквозь юбку тепло её ноги.

— Ты его спроси, Рута, почему бумагу о закрытии я приготовила ещё вчера.

Я посмотрела на свой мокрый сапог. Из-под подошвы к жаровне уже протянулась тонкая дорожка воды.

* * *

Эмиль дождался меня у нижней калитки. Шляпу он оставил в доме, и ветер с реки раздувал ему волосы над ушами. В одной руке у него болтались сапоги. Вторую он держал над фонарём, пока Тишка пытался поджечь фитиль.

— Семён прочитал? — спросила я.

— Я до него не дошёл. Тишка говорит, они сегодня сняли лестницу с верхней тропы. Обходить через двор плотников.

Мальчишка поднял фонарь. Огонёк разгорелся, и на зелёном стекле стали видны жирные отпечатки его пальцев.

— Там дальше я дорогу знаю, — сказал он.

Эмиль достал сложенный лист и вручил ему. Тишка нырнул в калитку. Мы слышали, как он сбежал первые ступени, потом раздался стук, и Эмиль позвал его. Из темноты ответили, что всё цело, даже стекло.

Я села на скамью у калитки и задрала подол. Сапоги оказались старые, с мягкими голенищами. Подошва левого была пришита суровой ниткой. Я помнила такой шов у Эмиля на зимних сапогах: он как-то всю дорогу до посёлка сидел у меня в лодке, задрав ногу, и тёр узел о край скамьи. Тогда мы ещё звали друг друга по фамилии.

— Нашёл сухие, — сказал он.

— С чулком как быть?

Он присел, снял с шеи платок и протянул мне. Платок был тёплый, с белой полоской по краю. На свадьбе его расправляла Ода, чтобы угол лежал посередине. Я выжала чулок на землю и обмотала ногу платком. Подняв голову, заметила, что Эмиль всё ещё сидит на корточках. Между нами поместилась бы разве что ножка от скамьи. Он смотрел, как я подворачиваю край, и в первый раз за вечер мне захотелось, чтобы он ко мне прикоснулся. На реке внизу кто-то крикнул, и я сунула ногу в сапог.

К лодке мы пошли через двор плотников. Семён встретил нас у колоды, на которую сдвинули сходни. В свете Тишкиного фонаря виднелась стружка: Семён уже успел сколоть клинья с ближнего конца. Он прочитал мой приказ второй раз, сложил его по прежним сгибам и убрал за пазуху.

— Сходни назад не положу, — сказал он. — Под ногами ходят даже у берега.

— Оставь на колоде. Мне выйти по гальке. К носу можно пройти?

— Если правее. Там камни крупнее.

Он пошёл впереди, высоко держа фонарь. С тёмной воды свет возвращался длинной жёлтой полосой, дробился у самой гальки и пропадал под носом лодки. Мокрая верёвка на привязи разбухла. Я поддела узел костяшкой пальца и почувствовала, как за спиной Эмиль взял лодку за борт. Ему хватило одного движения. Лодка перестала толкаться у моих ног.

— Со мной пойдёшь? — спросила я. — У Полины две корзины.

— Пойду. Куда мне сесть?

Я указала на носовую банку. Под его весом мы чуть ниже сели в воду и прошли через обратку у берега ровнее, чем я проходила одна.

Полина увидела нас раньше, чем мы её. На отмели у неё в руке светилось что-то жёлтое. Когда мы подошли ближе, я разобрала половинку луковицы с огарком посередине. Полина поставила её на песок и пошла за корзинами, пока пламя ещё держалось.

— В одной тарелки, — сказала она. — Подашь голос, если начнёшь тонуть. Я ту сразу выброшу.

Нас прижимало течением к длинной косе, а короткой верёвки на носу едва хватало, чтобы держать лодку у края. Эмиль соскочил в воду по щиколотку. Когда Полина потянулась к нему, он уже протянул обе руки. Она отмахнулась, и он успел убрать одну. Вторую она взяла. Её башмак проехал по борту, и мы все трое замерли, пока Полина не нащупала ногой дно. Потом Эмиль поднял корзины. Свеча на отмели погасла, пока он садился.

На середине реки Полина спросила, надолго ли сняли сходни. Я слышала, как она перекладывает тарелки в корзине, чтобы не звенели.

— Утром посмотрю опоры, — ответила я. — Дай знать соседям. Завтра через старый причал пока никого не везу.

— Тогда отнесу заказ к мосту. Там сын подберёт.

Она произнесла это так, будто мост был через два огорода. Я посчитала, во сколько ей придётся выйти, и сбилась: подуло в лицо, пора было менять гребок. Эмиль взял корзины на руки, чтобы они не мешали мне разворачивать лодку, и до самой гальки просидел с ними. На дворовом берегу Семён проводил Полину вверх, к калитке. Мы остались у привязи.

— Ты знал, что она приготовит эту бумагу? — спросила я.

Эмиль держал нос, пока я продевала конец верёвки в кольцо. На этот раз он дождался, пока я затяну узел.

— Знал, что Ода хочет закрыть пристань. Думал, поговорим об этом после свадьбы. Был уверен, что смогу оставить тебе переправу.

— Как?

Он провёл ладонью по борту, где краска отсырела и отставала от дерева белыми чешуйками.

— Подыскать другое место. Выше по реке.

— Ты показал мне ключ от этого.

Он открыл рот, потом выпрямился. Там, где под его рукой был борт, качнулась вода.

— Показал.

По склону от дома ещё падал свет из столовой. Ужин у них шёл своим чередом. Можно было вернуться туда, положить бронзу рядом с солонкой и дождаться, когда Эмиль найдёт мне что-нибудь ещё. Место, сапоги, новый ключ, подходящий к новой двери. Нащупала печать сквозь подкладку. Бронза ещё хранила тепло.

— К утру мне понадобится верёвка подлиннее, — сказала я. — Такая, на которой ты сам полез бы под причал.

— Принесу.

Снятый Эмилев платок остался у меня на ноге. Я хотела его вернуть и уже взялась за голенище, но босиком по гальке в темноте далеко бы не ушла. До утра придётся в нём ходить. Печать я тоже оставила у себя.

Глава 2. Нижняя ступень

К рассвету вода поднялась ещё на два пальца. Белая метка, которую отец оставил на свае, виднелась только из лодки. С берега её закрывало отражение неба. За белой полосой была красная. Отец мазнул кистью в один раз и надавил в конце, там дерево взяло больше краски. Летом я могла дотянуться до красного босой ногой, если сесть на нижнюю ступеньку и съехать к самому краю. Сегодня ступенька ушла под воду целиком.

Эмиль пришёл с верёвкой и с куском горячего пирога на салфетке. У пирога разошлась верхняя корка. Когда он протянул мне салфетку, наружу упал кусочек яйца. Эмиль успел поймать его и съел сам.

— Спала? — спросил он.

— До первых петухов. На кухне.

В той комнате, которую мне приготовили наверху, на изголовье висел свежий венок. Я сняла его ещё до ужина, потому что мелкие сухие цветы сыпались на подушку. Ночью мне хватило сил дойти до кухонной скамьи. Повариха сунула мне под голову фартук и утром первая пошла будить мужа, пока я ещё застёгивала жилет.

— Зря не сказал, где буду, — ответил Эмиль. — Я лёг в кабинете. Подумал, тебе надо выспаться.

Он снял с плеча верёвку. Сухая пенька распустилась тяжёлыми кольцами. Я откусила от пирога побольше, чтобы руки у меня к тому времени, как он закончит, уже были свободны.

Семён появился с шестом и огарком мела. Оглядел верёвку, ткнул шестом в щель между двумя верхними досками, повёл остриём вниз. Доски у края скрипнули одна за другой.

— Началось с этой, — сказал он. — Вчера ещё не шевелилась.

— Покажи с воды.

Спуск с гальки расчистили вечером. Семён обнёс верёвку вокруг ольхи и дал мне конец. Эмиль сел в корму, чтобы выбирать слабину. Я поставила лодку носом к струе и повела вдоль внешнего края настила. Там, где зимой под берегом задерживался лёд, пахло ободранной корой. По поверхности тянулись тонкие светлые прутья. Они шли ровно, пока не доходили до крайней сваи. У самой сваи их на миг ставило торчком и затягивало под ступеньку.

— Помедленнее, — попросила я Эмиля.

Верёвка пошла с его ладони мягче. Семён подсказал с берега, что уже почти дошли, и я опустила шест рядом со сваей. Обычно в этом месте он упирался в дно прежде, чем до воды доходила моя нижняя рука. Теперь шест ушёл на целую ладонь глубже. Я попробовала ближе к берегу, потом отодвинула его на пол-локтя. У острия в одном месте был камень, дальше провал. Оттуда снизу шло течение. Лодка ощутимо вздрогнула, когда я вынула шест.

— Подтяни чуток, — сказала я.

Мы прошли ещё раз. На сваях остались чёрные рубцы от зимнего льда, подмытую опору можно было узнать даже с воды. Когда волна уходила из-под нижней ступеньки, свая едва заметно отходила от распорки. Туда, в открывшуюся щель, ускользал свет. Потом дерево сходилось обратно.

Я много лет знала, какой звук издаёт этот настил под человеком, который боится воды. Испуганные идут медленно, так что доска успевает отозваться на каждую ногу. У отца было правило. Если пассажир замер на середине, нельзя звать его с другого конца. Иди навстречу, сядь рядом, предложи посмотреть, где у тебя пуговица оторвалась. Он однажды спускался так к женщине с младенцем. У него в тот день все пуговицы были на месте, и он, пока она глядела на его жилет, оторвал нижнюю сам.

Сейчас на середину лучше бы никого не пускать. Если кто-нибудь там замрёт, вслед за ним и второго человека дерево может не выдержать.

— Всё, — сказала я.

Эмиль потянул верёвку. На обратном пути я заметила в воде перевёрнутый гвоздь, длинный, с квадратной шляпкой. Он был вбит в край снятой лестницы, которую Семён оставил на колоде. Один её угол лёг в воду. Когда мы проходили, я подняла этот угол и помогла Семёну втянуть лестницу на сухое место. Хотелось сделать хотя бы это. Гвоздь качнулся и выпал мне в ладонь.

Семён дождался, пока я поставлю лодку на привязь.

— Сколько людей скажешь выводить? — спросил он. — Если дело в свае, можно же через одну пускать.

Я вытерла гвоздь о юбку. До свадьбы я пообещала ему, что он останется смотрителем. По привычке открыла рот сказать, что вечером что-нибудь придумаем. Семён ждал, сунув большие пальцы под ремень. Смотрел ровно, как человек, который много раз с утра выходил работать и ни разу не знал, сколько ему заплатят к вечеру.

— Закрой настил, — сказала я. — Натяни цепь поперёк. Сам причал до решения не разбирай. Мне нужен смотритель, пока мы ищем, куда перенести лодку.

— Мы?

— Если ты согласен.

Семён снял ремень, чтобы привязать разбухшую дверцу к столбу. На ремне были две дырки так близко, что кожа между ними почти порвалась.

— День отработаю, — сказал он, протягивая ремень через скобу. — Про дальше спроси после ужина.

Эмиль привязал верёвку к лодке и потянул на себя, проверяя, выдержит ли узел обратное течение. Ни разу за всё утро он не сказал мне, что предупреждал. Когда я выпрямилась, он поднял руку, и я решила, что сейчас он возьмёт меня за плечо. Он подождал. Я шагнула ближе и только тогда почувствовала через жилет, какая у него ладонь. Он убрал её, когда я отступила от воды.

— Ода будет в конторе до обеда, — сказал Семён. — По затвору там сегодня разговор. Она знает, что на старой свае. В прошлом месяце ещё спрашивала, стоит ли менять.

Я положила гвоздь в карман, где уже лежала печать.

— Вот об этом тоже поговорим.

* * *

В конторе пахло сушёной мятой. Ода хранила её в чашке из-под чернил, возле решётки, через которую выдавали жалованье. В детстве я принимала запах за приглашение. Когда отец привозил сюда плату за причал, мне всегда хотелось постучать в решётку и спросить, дадут ли чай. Отец оставлял меня у двери держать лодочный шест. Он ставил его мне прямо на носок, чтобы я чувствовала вес.

Решётку сняли. На её месте лежала стопка бумажных конвертов, и Ода писала на них имена. Нестор, вчерашний писарь, сидел у окна с собственной чернильницей на коленях. Я узнала его по очкам. Вчера в стёклах отражались свечи. Здесь у окна я видела его глаза. Он смотрел на оставленное мне кресло и изнутри кусал щёку.

— Достали черновик? — спросила я.

Он указал на два листа рядом с собой. На одном над печатью оставили место для подписи и внизу карандашом приписали имя Эмиля. Второй лист был копией записи. Нестор разложил их рядом так, что обе строки можно было прочесть разом.

— Подписывали чистовик. Я его подшил к книге. Последняя буква уже стояла вот эта.

Я помнила, как подписывала. У Нестора на столе было вмятое место, и лист пришлось повернуть, чтобы перо не прорвало бумагу. Я перечла про год, про границы земли и про право держать лодку у свай. Строку выше пропустила. В ней, как мне казалось, договаривались люди, у которых и без этой бумаги было всё необходимое.

— Если сегодня составить другую запись? — спросила Ода.

— С подписью нынешней держательницы, — сказал Нестор. — Я принёс бланк. Брак переписывать не понадобится.

Ода отложила перо. Под последним именем осталось влажное пятно, где она долго не отнимала острие.

— Хорошо, — ответила она. — Оставьте нам бланк. Пусть Рута посмотрит.

Нестор поднялся, положил на край стола плотный лист и ушёл. Мне в нём предлагалось согласиться с передачей полномочий. Имя следующего главы ещё не вписали.

— А тот приказ, что ты велела подписать Эмилю? — спросила я. — Он останется?

— Его придётся подписать, — сказала Ода. — Суконщики хотят набрать весеннюю воду. После подъёма там нечего будет открывать до лета. Кое-что лучше снять заранее, хотя бы доски.

— Сваи ты тоже заранее проверила?

— Семён говорил, что одна ходит. Я собиралась чинить. Пока суконщики не предложили задаток.

Она опустила ладонь на конверты. У неё под рукой было несколько знакомых имён, в том числе сестра Тишки, которая скребла жёлоба за мельницей. Читая дальше, я нашла женщину, которая вчера ставила передо мной тарелку и обещала забежать утром убрать свадебный венок. На кухонной скамье мне достался её фартук.

— Они ведь уже сделали работу, — сказала я.

— Сделали. Вот теперь и надо платить.

Из коридора показался Эмиль. Он вымыл руки, но в сгибе большого пальца осталась рыжая нитка от верёвки. Он заметил её, только когда взял один из конвертов. Прочёл имя, потёр пальцем бумагу и положил обратно.

— Я думал, ты скажешь про затвор после обеда, — сказал он Оде.

— А я думала, ты сам скажешь своей жене.

Ода подняла на него глаза. Эмиль побледнел так заметно, что я впервые поняла, сколько времени он привык сидеть перед ней с ровным лицом. Он подтянул к себе табурет, но остался стоять.

— Затвор ниже пристани, — сказал он мне. — Суконщики хотят придержать за ним воду, чтобы колёса крутились и когда после разлива вода пойдёт на убыль.

— Верхний настил тоже уйдёт под воду?

— Тоже. Им обещали ответ послезавтра к вечеру. Дадут задаток, когда мы согласимся.

— И что будешь делать, если я подпишу этот бланк?

Эмиль бросил взгляд на Оду. Она перевернула пустой конверт и принялась писать на нём имя, придерживая бумагу кончиками пальцев.

— Мне придётся решить, как платить людям, — ответил он.

— Понятно.

Мне хотелось унести бланк к реке, сесть на своё место и подумать, как отвечают на такие вопросы люди, которые утром просыпаются у себя дома. На краю стола лежал гвоздь. Я сама положила его рядом с печатью, чтобы не проколоть карман. На шляпке засохла светлая крошка дерева, совсем свежая. К той лестнице ещё недавно приставляли новые планки. Кто-то делал работу и думал, что на ней будут стоять люди.

— Старый настил я сегодня закрыла, — сказала я Оде. — Семён вешает цепь. Никого там не будет, даже если затвор останется как есть.

Ода перестала писать.

— Тогда зачем тебе печать?

Я нащупала ключ на поясе. Вспомнила, как шла за босой девочкой, держа её башмаки.

— Если отдам печать, у меня останутся ключ, год аренды и лодка, которую опять тащить через ивняк. Пойду к соседям просить проход, а они отправят меня обратно к тебе. Пока печать у меня, с ними могу говорить от имени дома.

— До послезавтра хочу найти место для пробного рейса, — сказала я. — Потом сядем с суконщиками. Пусть покажут, до какой метки им нужна вода и когда пойдут деньги людям. Тогда решим.

— Ты сама сказала, что причал закрыт, — напомнила Ода.

— Этот закрыт.

Эмиль наконец сел. Табурет под ним щёлкнул. Ода много раз просила его подбить ножку, и я помнила, как он в прошлую среду нёс сюда молоток, увидел меня у двери и пошёл следом, так и не починив.

— Есть лесная пристань, — сказал он. — Выше по реке, за поворотом. На той стороне дороги Левоновы ворота, на нашей Маренин двор. Раньше там грузили брёвна. Берег каменный.

Я слышала о той пристани. В детстве нас туда не пускали из-за подводных брёвен, которые поднимали баграми. Много лет никто там не грузился, зато за поворотом шли каменные гряды и туда подпор от затвора не доходил. Прикинуть, как подступиться, можно за утро, если кто-нибудь покажет дорогу.

— Почему она до сих пор пустая? — спросила я.

— Потому что договаривались с одним берегом, а возили через два, — ответил Эмиль. — Левон однажды закрыл ворота при отце. Марена потом ещё неделю возила чужие подводы со своего двора.

Ода разгладила готовый конверт и подвинула к остальным. Теперь оба её запястья лежали на столе, и ни одно не накрывало печать. Я завернула бронзу в чистый угол салфетки от пирога.

— Если до послезавтра успеешь, поговорим, — сказала Ода. — Если не успеешь, тоже поговорим. Только про пустые конверты.

На лестнице Эмиль спросил, идти ли к Марене одному. Я чуть не сказала, что пусть идёт. Мне очень хотелось, чтобы сегодня хоть что-то нашлось без моих уговоров.

— Завтра пойдём вместе, — ответила я. — Идти первой буду я.

На этот раз он сказал «да» сразу. У нижней двери мы разошлись. Я вернулась к воде и увидела, что Семён уже натянул цепь. Чтобы закрыть проход, ему пришлось вбить новый крюк. Он торчал в столбе на уровне моего ключа.

Глава 3. Пробный рейс

Марена встретила нас с ковшом овса в руке. Она несла его кобыле, привязанной у ворот, и по пути отбирала крупные камешки. Камешков набралась горсть. Марена высыпала их на столб и кликнула работника, чтобы тот принёс ей мешок показать.

— Теперь у мельника попрошу дать мне с этого ещё и муки, — сказала она. — За камни я заплатила.

Она позволила нам пройти во двор, пока кобыла ела. Пахло овсом, лошадиным потом и дровами, которые успели отсыреть с одного бока. Крытая телега стояла посреди колеи. Колесо упёрлось в доску, которую кто-то подложил и с тех пор так и не вытащил. Проход к воде шёл слева от телеги, где между колесом и плетнём оставалось место для одного человека.

— На пристань сегодня никто не ходит, — сказала Марена. — В полдень привезут жерди, мне их надо под навес.

Я отступила, чтобы она могла обойти меня с ковшом. С реки за плетнём доносился ровный шум, как бывает у речного поворота, где воду отводит от берега. Из старого створа этот шум был еле слышен. Здесь его хватало на весь двор. Вчера Эмиль говорил о камне. Теперь мне хотелось увидеть, куда при такой воде придётся поставить ногу.

— Пусти меня посмотреть, — попросила я. — Если сойдём с телегой, она сегодня поедет первой.

Марена поправила край покрывала на лошадиной спине и кивнула в сторону плетня. Эмиль остался во дворе. За оградой мы спустились на три ступени, вырубленные в берегу, и по узкой тропе дошли до пристани. Сгнивший настил когда-то разобрали. Внизу торчала косая скоба, в которую прежде вели бревно, а рядом вода захлёстывала широкую каменную плиту. С неё можно было посадить взрослого человека. Для ребёнка или старика потребуется доска, потому что лодка у самой скобы трётся о камень, а в полуметре от неё уже подхватывает струя.

— Прямо здесь будешь возить? — спросила Марена.

— Если зацеплюсь на первой скобе и дам носу немного отойти. Тут можно. А ворота напротив?

Марена указала на полосу бледного камыша на другом берегу. Над ней чернела крыша, ниже виднелись две створки под уклоном. В одну уже упиралась дорога от посёлка.

— Брат там до обеда. Ему скажи, что у меня завтра телега тоже будет. Вы оба проход просите, потом я с его людьми разминаюсь.

— Сегодня после жердей проведу, кого скажете. По одному человеку через двор. Если Левон согласится открыть ворота.

— А завтра?

— Завтра приду говорить отдельно. Сегодня хочу узнать, годится ли вообще место.

Марена поскребла носком башмака по краю плиты. Сбежала серая струйка, а камень под ней оказался шершавый. Подошвы удержатся.

— Кто мне колею вычистит, когда туда с башмаков глины натаскают?

— Я. К вечеру.

— Тогда под навесом ждите, пока воз уйдёт.

Эмиль встретил нас возле телеги. Широкую доску, что лежала под колесом, он уже вытащил и поставил к стене, проложив под колесо кругляк. Марена велела ему сунуть кругляк глубже, потом принесла чашку и дала мне попить.

— У Левона попроси открывать на один стук, — сказала она. — Он с утра гоняет кур. На второй решит, что свои, и пошлёт тебя самой искать щеколду.

За лодкой мы вернулись к старому причалу. Вода за ночь намыла на гальку ивовые листья. Семён подметал их берёзовым веником и кидал мокрые комья в корзину. Старый

настил за цепью пустовал. Вчера, когда он натягивал цепь, с досок всё время капало. Сегодня в нескольких местах они уже выгорели досуха. Я отвела глаза и попросила Семёна помочь мне вывести лодку к верхнему створу.

Лодка с трудом шла против струи у прямого берега. Эмиль тянул бечеву с берега там, где позволяла тропа. На повороте отдал мне конец, спустился к отмели и сел в корму. Дальше мы выгребли вдвоём. С новой пристани Марена показала рукой, что воз уже ушёл, но мы пока шли к противоположному берегу. Из-под камыша пахло водой, простоявшей за зиму подо льдом. Туда лодку пропустило легко. Мы обогнули камыш снаружи и прижались к каменному выносу под воротами.

Левон появился наверху ещё до того, как мы успели постучать. У него за плечом по песку гонялся рыжий цыплёнок, раза в два меньше курицы.

— Марена пустила на сегодня, — сказала я с воды.

— Она кого хочешь пустит, пока грязь по мою сторону.

Левон упёрся ногой в нижнюю створку. Эмиль держал лодку у камня веслом, и можно было говорить вполголоса.

— Ты уже вступил в должность, Эмиль? — спросил Левон, прищурившись.

Эмиль развернул весло и снова упёрся лопастью в камень. Пока он медлил, я успела набрать воздух.

— Печать у меня, — сказала я. — За сегодняшний проход договориться могу сама.

— Так вы опять от имени дома? Ваш покойный дядя говорил, что после брёвен дорогу поправят. Я ещё год вытаскивал щепу из кур. Она в корм попадала.

На последнем слове он отвернулся, чтобы ногой отвести цыплёнка от щели. Тот прижался к створке и просунул к нам голову.

— Брёвен у меня не будет, — сказала я. — Лодка одна. Пассажиры пройдут до заката. Выпускать буду по одному, сперва сама стану у калитки. К вечеру помогу вычистить дорожку.

— Почему одна лодка?

— Потому что у меня только одна.

Левон долго смотрел на меня сверху, потом дёрнул щеколду. Створка отошла ровно настолько, чтобы впустить человека с корзиной. Цыплёнок вышел первым. Левон подхватил его обеими руками, поднёс к лицу и тихо дунул. Пух на голове поднялся.

— До заката, — сказал он. — До завтра я ещё ничего не обещал.

С посёлка он согласился позвать тех, кто жил ближе. Обещал сообщить, что это пробные рейсы и берём по одному, пока я не разберусь со сходней. Эмиль достал из лодки короткую доску, которую Семён дал на случай, если камень окажется далеко. Левон спустился помочь ему уложить её на берег и сначала сам прошёл сверху вниз. Там, где доска чуть качнулась, он подсунул под неё свой старый каблук, деревянный, с тремя торчащими гвоздиками. Качаться перестало.

* * *

Первый пассажир нашёлся, пока мы примеряли доску к плите у Марены. За плетнём раздался голос. Я решила, что Марена зовёт работника убрать телегу, и полезла наверх. У ворот стояла женщина в клетчатой шали и раз за разом спрашивала у кобылы, можно ли ей пройти.

— Вы тут берёте через реку? — спросила она, увидев меня.

— Сегодня пробуем. Вам на ту сторону?

— К дочери. Заходила вчера на старое место, там цепь. Думала, можно было бы с лодки махнуть, чтобы кто-нибудь заметил.

В руке у женщины была плоская деревянная коробка. Когда она перекладывала её под мышку, там внутри тихо позвякивало. Я спросила, что беречь от воды. Она сняла крышку и показала два маленьких глиняных горшка, по краям подложила тряпки. В горшках росли помидоры. От земли, ещё влажной после полива, шёл запах домашнего подоконника.

— Тронулись в рост, а мне ставить уже некуда, — сказала она. — С каждого окна вниз смотрят. Зять просил красных, я ему оба сорта несу. Потом разберётся.

Звали её Фёклой. Мы спустились к плите. Вблизи она рассмотрела, как лодка ходит у скобы, и прижала коробку к животу. Эмиль ступил с другого края на камень, взялся за борт. Фёкла подала ему коробку, но сама осталась там же.

— Отдайте назад, — сказала она.

Он отдал. На горшки она даже не взглянула. Смотрела на воду между плитой и кормой. С виду её там было на два пальца, остальное пряталось под бортом. Лодку разворачивало короткими толчками, и каждый раз щель раскрывалась.

— Хотите посидеть? — спросила я.

— И сидела бы дома, коли хотела сидеть.

Фёкла поставила коробку на камень и подтянула шаль, но руку, которой собиралась взяться за мою, вернула под ткань. Я пошла к носу и ослабила привязь у скобы. Теперь лодка могла развернуться по воде, встать под углом и прижаться к плите кормой. Эмиль глянул на меня поверх борта. Чтобы удерживать лодку в таком положении, одному из нас надо было сесть в неё, упереться веслом в камень и подбирать верёвку по мере того, как Фёкла будет переносить вес.

— Сможешь держать корму, пока я веду её? — спросила я.

— Смогу. Скажи, куда держать.

Я показала, где доска должна лечь на кормовую банку. Эмиль забрался в лодку с носа, прошёл мимо меня, придерживаясь за жилет у локтя. Ткань коротко натянулась. От его руки пошёл жар по боку, и я ждала, что это пройдёт, пока он устраивался с веслом. Прошло только тогда, когда стало ясно, что теперь я могу отвернуться от лодки.

— Дай мне сначала показать, как мы сядем, — сказала я Фёкле.

Она смотрела, как я наступаю на доску. Я перенесла вес, доска осела на полпальца и упёрлась в дерево. Эмиль держал. Я вернулась на плиту. Фёкла подала мне коробку, встала на край, нащупала доску ногой и замерла, перебирая пальцами бахрому шали.

— Я вам пока помидоры на скамью поставлю, — сказала я. — Потом могу дать руку.

— Обе давай, — ответила Фёкла.

Сесть ей пришлось боком. Она держалась за мои запястья, пока не поставила ноги по обе стороны коробки. Затем накрыла землю в горшках тряпочками и вздохнула, как человек, который наконец донёс что-то тяжёлое до стола. Я попросила её немного подвинуться к середине. Фёкла подвинулась на ширину пальца и сказала, что этого, пожалуй, хватит. Хватило.

До дальних ворот мы дошли за несколько гребков. Здесь приходилось брать чуть выше по течению, чтобы лодка легла у камыша и её не затянуло за каменный выступ. Эмиль прижал корму веслом, пока я переносила доску. Левон подхватил коробку уже сверху. В ворота Фёкла вышла на своих ногах, аккуратно пропустив между башмаками цыплёнка.

Она оглянулась.

— Сколько тебе?

— Сегодня бесплатно. Первый раз по этому месту.

— На первый раз я к вам одна и пришла. Скажу теперь, чтобы люди знали.

Левон закрыл за ней створку. Пока она поднималась по дороге, коробка у неё понемногу наклонялась вправо. Фёкла останавливалась на каждом повороте поправить горшки. На третьем повороте подоткнула шаль под коробку, и дальше они понеслись ровно.

К вечеру мы перевезли ещё троих. У Левона взошёл на борт парень с мотком проволоки, у Марены — женщина, которая несла к ужину горшок с кислой капустой и требовала сажать её на корму, поскольку тогда никто не будет жаловаться на запах. Последним переправился посыльный. Он спросил, можно ли утром привести брата. Я сказала, что утром у меня разговор с хозяевами, а пока он может передать брату одно. Сходни у старого причала закрыты.

Когда мы поставили лодку к скобе, уже стало слышно, как в конюшне жуют. Марена принесла два веника и села у ворот штопать рукав. Я вычистила колею. Эмиль таскал воду и промывал камни на тропе. Последнее ведро он нёс в обеих руках. На полпути вода выплеснулась на сапоги, и он засмеялся. Странно было слышать его смех без голосов из-за стола. Я даже сначала решила, что засмеялась Марена.

— Вижу, много у вас вышло, — сказала она. — Завтра придёт вдвое больше. И что мне с ними делать, пока ты у суконщиков?

Я прислонила веник к плетню. Между ним и колесом с утра можно было пройти только по одному. Завтра у ворот соберутся с корзинами. Каждый решит, что дорога уже открыта. Спорить на своём дворе придётся Марене, а к лодке протиснется тот, кто громче.

— Скажи им, что я дала тебе слово, — ответила я. — Могу оставить его на бумаге. Завтра приду с условиями. До разговора с тобой и Левоном я никого сюда не поведу.

Марена выдернула иглу из рукава и прижала напёрсток к ладони.

— От чьего имени слово?

Я вынула из кармана печать. Марена принесла из дома перо, два листа и огарок. Одну расписку я оставила ей, вторую взяла для Левона. Писала на откидной доске у ворот, и там, где ветер подсунулся под бумагу, Эмиль придержал её за край. Когда я ставила оттиск, я уже знала, какой длины выйдет хвост, и оставила место под своими буквами.

— Завтра вы с ним оба приходите к нам, — сказала я Марене. — Сначала посмотрим, как воз пройдёт, потом решим, где людям идти. Если чего за проход хочешь, тоже скажи при всех.

Она долго рассматривала расписку. Дошла до конца, сложила и сунула под рукав, который штопала.

— Сначала позови брата. Он при людях со мной спорит тише. Лодку можешь до утра оставить под ступенью.

Ворота за нами закрылись. Мы спустились к лодке и сели на сухую верхнюю ступень. У Эмиля по рукаву до локтя шло тёмное пятно. Он подставил руку под ведро, когда оно начало падать, и я всё пыталась сообразить, зачем это было делать, если воду можно было набрать снова. Потом подумала, что сама поступила бы точно так же.

— Ты хорошо держал, — сказала я.

— Ты ни разу не обернулась.

— Там Фёкла держалась за обе руки.

— Я видел.

Он сказал это тихо. Внизу с воды поднималась прохлада, а от камня ещё шло дневное тепло. Мы могли бы успеть обратно до того, как Ода велит накрывать на стол. Хотелось остаться ещё на пару минут, даже если к дому потом придётся подниматься в темноте.

Эмиль положил руку на ступень между нами. Пальцы у него разошлись, будто после целого дня на вёслах он наконец мог их распрямить. Я коснулась его мизинца. Он повернул ладонь кверху, и я вложила в неё свою. Оказалось, отогреться можно и на камне, если посидеть чуть дольше.

— У меня твой платок, — сказала я.

— Оставь. Завтра вернёшь, если захочешь.

Внизу под ступенью шевельнулась привязь. Я подумала, что надо будет переделать узел на двойной: до утра вода наверняка поднимется. Сначала дала Эмилю ещё немного подержать мою руку. Потом попросила помочь вытащить лодку повыше, и мы встали вместе.

Глава 4. Нижняя зарубка

Утром у Марениных ворот стояли двое. Один держал за штаны мальчика, который норовил заглянуть в щель под створкой. Второй принёс мешок. Он поставил его возле столба и всякий раз, когда из двора доносился голос, подтягивал верёвку на горловине.

— Нам до посёлка, — сказал он. — Тут вчера возили.

— Вчера нам дали проход на один день, — ответила я. — Сегодня надо снова договариваться.

Мальчик высвободился и плюхнулся на мешок. Из горловины посыпалась шелуха. Его отец нагнулся собрать её, и тут изнутри отодвинули засов. Марена вышла в старом переднике, с мукой по обоим локтям. Увидела шелуху, распахнула было рот, потом вернулась и принесла совок. Мужчина с мешком поблагодарил её, взял у неё совок, и, пока они собирали шелуху, мальчик успел засунуть руку под ворота по самое плечо.

— У меня там конь, — сказала ему Марена.

Мальчик сел. Остальные немного подождали и пошли к мосту. От мешка возле столба осталось светлое пятно. Марена соскребла его совком, не глядя на меня.

— Пойдём, — сказала она. — Покажу, где они могут ходить. Мой двор на виду, оттого к нему идут.

Она повела нас вдоль ограды. За домом изгородь отходила от тропы и делала угол вокруг большой бузины. Там за ветками торчал старый столб с дыркой под щеколду. Если оставить ворота там, где они есть, а в изгороди прорезать калитку, пассажиры пройдут между двором и рекой. Марена первой полезла под бузину, подняла подол и упёрлась ладонью в столб.

— Видишь, снизу земля ушла? Если прорежешь здесь, мне летом за водой не пройти. Придётся обойти погреб.

Она вышла обратно с сухой веткой в волосах. Я сняла её и показала на кусок камня, вросший в склон чуть ниже столба. С него можно было шагнуть на тропу, если положить ещё одну ступень. Марена попробовала. Нога у неё уехала на полступни, и она затормозила, прежде чем потянуться ко мне.

— Здесь нужна ручка, — сказала она.

Я думала о ступени. Пока она стояла, взявшись за мой локоть, стало ясно, что ручка важнее. Мы отметили камень щепкой. Марена разрешила осмотреть проход с обоих концов и вывела нас к воде через двор. На пристани она постояла, пока я спускала лодку. Я обернулась сказать, что до разговора ни одного человека не возьму, но Марена уже шла наверх. Она вытирала руки о передник, забыв, что оба локтя в муке.

Эмиль принёс мерку, длинную рейку с отметками на ребре. Её пришлось положить вдоль борта, и она прижала край моей юбки к скамье.

— Хочешь, я поведу? — спросил он.

Я поправила юбку. Со своей банки я привыкла видеть оба берега сразу, а отсюда мне оставалась почти вся река и его спина. Можно было по дороге прочитать расписку, которую я несла Левону, и решить, с чего начинать. Я передала Эмилю вёсла.

— К камышу зайди повыше. Снизу тянет на камень.

Он помнил. Я открыла бумагу только на середине, потому что до того следила, что он делает с вёслами. Вчера у обоих листов запачкался нижний край. Эмиль держал край, а я, пока рука скользила по бумаге, оставила серый след от дворовой глины. Левону достался отпечаток поменьше. Он поместился прямо под последней строкой, где я обязалась сначала спросить его согласия.

Левон встретил нас на берегу. Рыжего цыплёнка он оставил за воротами, и тот отзывался оттуда, когда Левон говорил слишком громко. Расписку Левон сложил один раз, потом раз-

вернул и прочитал ещё. Я пригласила его вечером к нам, но он попросил сперва пройти к дороге. До неё мы добирались вдоль ограды, потом он снял с крючка тонкую цепочку, натянутую поперёк тропы.

— Вчера пропускал через ворота, — сказал он. — Если так каждый день, я всех своих кур буду по соседям ловить. Вон где могла бы пройти отдельная дорожка.

Он провёл нас до канавы. Посередине лежала доска. С одного конца на неё уже наползла земля. Я шагнула на край и отступила, когда он просел. С той стороны от канавы начиналась дорога в посёлок. До ворот нужно было бы ходить крюком, а тут люди попали бы на дорогу прямо.

— Если доску сдвинуть на ширину плеча, — сказал Эмиль, — сядет на корень.

— И будет скользить, — ответил Левон. — К первому дождю туда уйдёт всё, что вы положите.

Эмиль нагнулся, с силой прижал мерку к земле и подержал, пока она не перестала погружаться. На ребре появилась полоска грязи, ровная, как новая отметка. Я попросила его измерить канаву дальше, там, где у корней камень. На том месте рейка ушла в землю всего на ноготь.

— Два дня, — предложила я Левону. — Сделаем сход сюда. Ты сам пройдёшь, прежде чем пустим людей. Если доска поползёт, остановим лодку.

— Два дня начиная когда?

— Завтра сделаем проходы. Если к вечеру примете работу, откроем на следующее утро.

Левон подтянул рейку к себе, стёр с ребра грязь двумя пальцами и велел Эмилю пометить ширину канавы прямо на дереве. Я решила, что это согласие на работу, и спросила про Марену. Левон в ответ подцепил цепочку на крючок, а потом всё-таки сказал:

— Позови её к ужину. При ней и договорим, кто будет закрывать.

Мы вернулись на свой берег по той же дуге. Я уже взяла вёсла, но на середине положила их на борт. Лодку повернуло вдоль течения. Оттуда были видны оба выхода, и впервые я могла показать их другому человеку, не вытягивая руки в разные стороны. Эмиль сел рядом, поджал колено, чтобы не задевать моё, и взял мерку поперёк коленей.

— Доски найдёшь? — спросила я.

— У меня под мельничным навесом есть свои. Только надо посмотреть, какие не повело.

— Пообещаешь после того, как посмотришь?

Он отложил рейку на скамью. На подбородке у него высохла белая полоска пыли от дерева.

— После, — ответил он.

Я снова взялась за вёсла. До встречи с суконщиками оставалось полдня. Из них можно было вычесть дорогу, обед, за которым я обещала пересказать всё Марене, и столько времени, сколько понадобится, чтобы измерить высоту воды у затвора. Сам разговор я пока в этот расчёт не поставила. Ода могла потратить на него весь вечер, а могла открыть рот и закончить, пока я ещё стою в дверях.

* * *

У затвора нам пришлось кричать. Вода шла под заслонкой и разбивалась о жёлоб, а над ней на помосте дрожала разболтанная доска. Эмиль протянул мне руку, чтобы я перешла эту доску одним шагом. На другой стороне к столбу была прибита мерная планка. На нижней зарубке в выемке сидела песчинка. Эмиль выковырнул её ногтем и показал выше, туда, где на дереве сохранилась выцветшая красная краска.

— Вот сколько они просят. К завтрашнему обеду затвор можно прикрыть. Часа за три наберётся до краски.

Я приложила мерку к планке. Между зарубкой и краской была пядь с лишним. Мы отметили обе высоты, а потом прошли вдоль берега до старого причала. Рейка встала на промокшем камне у цепи. Эмиль держал её прямо, пока я прикидывала, где окажется кромка при красной

отметке. За один день вода ляжет на нижнюю часть дороги. Туда, куда Семён проводил Полину в ночь свадьбы, мы больше не спустимся по суше.

До нижней зарубки ещё можно было поднять воду и оставить дорогу выше неё. Мы проверили это дважды, потому что второй раз я поставила рейку уже на гальке, где вчера садилась в лодку. Там тоже оставалось место.

К вечеру мерку пришлось внести в контору боком. Марена и Левон пришли раньше нас. Они спорили над чертежом, который Левон нацарапал углём на обёртке от хлеба. Марена никак не могла понять, почему он рисует ворота с двумя ручками, если у неё одна. Левон говорил, что рисует собственные.

— Завтра делаем оба прохода, — сказала я, поставив мерку к стене. — Если примете работу, попробуем два дня. За калитки каждый отвечает у себя.

Марена провела по углю пальцем и смазала одну ручку.

— У меня сперва ступень и ручка. Потом открываем.

Левон сложил обёртку и убрал под локоть.

— Без них никто не пойдёт, — сказала я.

Ода сидела на своём месте. Она снова разложила конверты, теперь по стопкам. Когда дверь открылась, она накрыла их листом, как накрывают тесто, чтобы до времени не подсохло.

Из суконщиков пришла Дина Коваль. Я возила её однажды зимой. Тогда она полдороги держала на коленях замёрзший кусок сукна, а на середине реки вынула нож и отколола угол, чтобы войти с ним в дом раньше, чем растает. Теперь она принесла с собой маленький дощатый лоток и поставила его прямо посреди стола. В лотке лежали два лоскута. Один был плотный, с ровным ворсом. Второй выглядел почти чёрным, мокрый по краям.

— Оба с одного куска, — сказала Дина. — Этот прошёл под молотами. Второй лежал сырым два дня, пока воды не было. Я принесла его тому, кто спросит, зачем мне столько.

Ода потянула за край мокрого лоскута. Из ткани вышла длинная нить и легла ей на пальцы.

— Ответ нужен сегодня, — сказала Дина. — Людей позвали к завтрашнему утру. Если я их снова распущу, на этой неделе половину не соберу.

Я поставила мерку у края стола. Из-под её нижнего конца на пол выпала галька, которую мы зажали в щели, когда мерили затвор. Никто не нагнулся её поднять.

— До нижней зарубки сколько колёс пойдёт? — спросила я.

Дина придержала лоток, чтобы его не задели рейкой.

— Одно. Второе можно поставить только когда наберётся до красного.

— С завтрашнего дня держим нижнюю. На неделю. Крутишь одно колесо, а за неделю узнаем, как идёт переправа по новому месту.

Дина взглянула на Эмиля. Он стоял у стены возле мерки, и ладонь у него была прижата к дереву как раз там, где сегодня пришлось выковырять песок.

— До красной старую дорогу зальёт, — сказал он. — Нижнюю можем держать. Затвор проверили.

— Мне хватит на срочное, — ответила Дина после паузы. — Но аванс тогда меньше.

Ода подвинула к краю стола накрытые конверты.

— Сколько?

— Двенадцать талеров завтра утром. Остальное, когда согласуем, сколько воды будет дальше. На полное обещание у меня и задаток был другой.

Под листом у Оды выступал угол одного конверта. Она подтянула его, и на секунду открылась первая буква имени. Я вспомнила, как утром у ворот Марена принесла совок и как человек, которого она не пустила, всё равно встал собирать шелуху. С каждой стороны в дело приходилось класть то, что было своё. Хорошо, если это всего лишь утро.

— Эти двенадцать сразу идут людям за сделанное, — сказала я. — За неделю ты получишь нижнюю зарубку. До красной поднимать не будем. Если понадобятся другие условия, поговорим заново при всех.

Под Диниными лоскутами лежал готовый лист. Она показала, где вписать первый день. Эмиль зачеркнул прежнюю высоту и сумму задатка. Дина прочла поправки и подвинула лист обратно. На второй строке Ода наклонилась к самому его уху. Эмиль положил перо.

— А на восьмой день что будет с водой? — спросила Ода уже на весь стол.

— Старое положение затвора, если не подпишем нового, — ответила я.

Дина согласилась. Семь дней, начиная с завтрашнего. Мы подписали обе копии. В мой оттиск попала шерстинка с мокрого лоскута. Я подцепила её ногтем, пока воск ещё поддавался.

— Завтра к первому часу, — сказала Дина. — Деньги принесу сама.

Она сложила мотки обратно и ушла. Ода сняла лист с конвертов, пересчитала их и оставила передо мной. Когда я пододвинула к себе первую стопку, по столу зашуршали сухие края бумаги.

— Будешь выдавать? — спросила Ода.

— Буду. Покажешь, сколько кому причитается.

Она не ответила сразу. Я уже видела её руку, тянущуюся к ящику. Потом услышала, как в замке повернулся ключ.

У двери Эмиль присел за галькой, которая выпала из мерки. Я думала, он выкинет её во двор, но он поднял и сунул в карман.

— Подложу завтра под калитку, когда буду навешивать, — сказал он.

С утра он ещё не был уверен, есть ли доски. Я спросила, успел ли посмотреть. Эмиль ответил, что нашёл шесть. Две кривые, зато остальные сухие. Их хватит, если мы завтра не ошибёмся с первой.

Глава 5. Калитка

Дина пришла раньше, чем Ода сняла с ночной печи горшок. На стол легли двенадцать талеров. Под первым, самым тёмным, сразу стало видно, как давно пора менять сукно на столе. Ода приподняла его за угол. Дина убрала локоть, чтобы она могла расправить складку, и спокойно подождала, пока я пересчитаю монеты.

Снизу, от затвора, с утра дважды звонили. Первый звон означал, что заслонку сдвинули. Второй дошёл до кухни, когда Дина уже стояла в дверях. Вода начала собираться за затвором. К обеду её должно хватить на одно колесо.

— Если захочешь видеть, что у меня получается на одном, приходи после обеда, — сказала Дина. — Второе вы уже вчера слышали. Оно и без воды стучит, когда в жёлоб попадает ветер.

Она ушла к мельнице, где ждали шерсть. Мы с Одой подняли конверты и встали по разные стороны стола. В каждом лежал листок с днями работы. Одни листки пахли печной сажей, у другого на сгибе прилипло сухое семечко укропа. Это была ведомость поварихи. Я знала, что за ужином её зовут просто позвякиванием пустого блюда у двери. Теперь на конверте прочитала полное имя, Клара Рош, и по ошибке произнесла его вслух.

— Клара сегодня на кухне, — сказала Ода. — Дай ей сполна, у неё двое мальчишек. Плотники внизу у сарая, им можно в следующий раз.

У плотников в конвертах стояли те самые дни, когда укрепляли лестницу, а потом по приказу Оды снимали её со старого причала. Один из них вчера придержал нам дверь, когда мы внесли мерку в контору. Мне не хотелось решать, чья жизнь у нас дороже, по тому, кого я чаще вижу.

— Как здесь отмечают, если выдали только часть? — спросила я.

Ода вынула из ящика книгу в обложке из грубой холстины. На сгибе кто-то прошил её толстой белой ниткой. Когда Ода развернула книгу, нитка натянулась и потянула за собой угол листа.

— Ставишь, сколько выдала. Когда выдашь остальное, рядом день.

— И человек распишется сейчас только за то, что взял?

Ода достала нижний конверт и показала мне строку внизу листка. Она действительно оставила место на две подписи. В графе за полный расчёт уже стояло число. Я придержала лист, чтобы не выпустить его раньше, чем она заметит.

— Так быстрее было писать, — объяснила Ода.

По ведомости мы были должны вдвое больше, чем лежало на столе. Пока Ода меняла на кухне серебро на медяки, я перечеркнула готовые суммы и взяла её нож для фитилей. На сгибе бумага тянулась за лезвием. Я прижала её ногтем и разрезала каждый листок надвое. На полоске, которую человек унесёт с собой, будет видно, за сколько дней мы ему ещё должны.

— Выдачу запишешь в книгу, — сказала я Оде, когда она вернулась. — Позовём всех.

Клара пришла первая. На переднике у неё белела полоса от муки. Она взяла конверт, но открыла его только тогда, когда я попросила посмотреть, что там за сумма. Медяки она высыпала на ладонь. Два зацепились за полоску муки и стали видны с края, круглыми тёмными пятнами.

— Хватит за муку отдать, — сказала Клара. — Утром обещала. А за молоко тогда до пятницы подождут.

Она не спросила, когда мы выдадим остальное. Её интересовало, можно ли сохранить полоску с подписью отдельно от денег, чтобы не затереть. Я нашла сухую тряпочку и завернула в неё монеты. Ода сдвинула чернильницу к самому краю стола, чтобы Клара могла расписаться и уйти, не снимая передника.

Последним пришёл плотник, который принёс верёвку. Он прочёл свой остаток дважды, свернул записку вдоль и засунул её за обмотку топорища. Монеты унес в кулаке. Когда он вышел, Ода расправила сукно до самого края. Из двенадцати талеров на проход ничего не осталось.

Во дворе, у нижней двери, кто-то перехватил доску за конец. Она скользнула по брусчатке и задела порог. Я выглянула. Эмиль и тот самый плотник примеряли доски к телеге, чтобы не разломать створку ворот. Внизу лежали четыре сухие, сверху две кривые, перевязанные отдельно.

— Из мельничного навеса? — спросила Ода за моим плечом.

— Из моей половины, — ответил Эмиль. — Я их на обшивку держал.

— К зиме опять покупать будешь.

Он оглянулся на доски. На одной проступало пятно, выгоревшее ровно по форме молотка. Наверное, он оставил его там ещё летом, когда брал доску за один конец, чтобы перевернуть на солнце.

— К зиме ещё будет время, — сказал он. — Ты хотела выдать людям деньги. Мы выдали. Для калитки дерево теперь есть.

Плотник взялся за оглоблю. Он согласился с нами пойти до полудня, пока в его мастерской сохнет клей. Я спросила, сколько нужно гвоздей, чтобы сделать ступень на Марениной стороне и укрепить сход у Левона. Он отмерил пальцами на ладони и сказал, что старых хватит. Дальше с нами останется Эмиль. Я взяла у него короткую пилу и пошла держать ворота. Телега прошла с ладонью запаса. Ода стояла в дверях с ведомостью, и когда мы свернули вниз, она подняла её над головой, чтобы я видела, что книга осталась у неё.

* * *

Калитку начали с Марениной ручки. Плотник отпилил от кривой доски здоровый конец и велел мне подержать его у столба. Марена встала на камень под бузиной и протянула руку. Пришлось поднять конец повыше. Потом она позвала работника, который чистил конюшню. Тому, чтобы взяться, пришлось согнуться почти вдвое.

— А если здесь два ухвата? — спросила я.

Плотник дал доске лечь вдоль склона. Марена схватилась ниже, работник выше. Оба вышли на тропу, не ступив туда, где под изгородью просела земля. Плотник провёл на дереве короткую косую черту. По этой черте мы и навесили поручень, а ступень сделали такой ширины, чтобы Марена могла встать на неё боком с ведром. Потом вырезали часть изгороди. Марена принесла створку от старого загона, и плотник навесил её на столб. Понадобилось всего переставить щеколду.

К полудню плотник забрал телегу. Мы погрузили в лодку две сухие доски для Левона, Марена принесла на спуск ведро с камнями и ещё одну верёвку. Она успела пройти через новую калитку трижды. На третий раз закрыла её за собой одним движением локтя, потому что несла воду. Щеколда шла туго. Марена вернулась, вытерла обухом ладони грязь и попробовала снова, пока засов не задвинулся мягко.

У Левона канава расширялась после каждого дождя. Сдвинуть доску на корень, как предлагал Эмиль, оказалось мало. Когда он встал у края, корень под сапогом скрипнул. Левон из-за ограды сказал, что это земля под корнем. Эмиль отошёл. Мы попробовали положить доски чуть в стороне от дороги. Там они легли плотно, зато к ним пришлось бы вести тропу по косой, через траву, где Левон весной пускал кур.

— Поставьте как было, — сказал Левон. — Я своими досками и так переберусь.

Мы вытащили доски на сухое. В канаве раздалось шуршание. Сверху по воде спустился жук, задел краем крыла корень и развернулся. У самой кромки он сделал два круга и ушёл под нависшую землю. Я нагнулась посмотреть, куда. Там, почти вровень с водой, виднелись два старых плоских камня. На них когда-то опиралась ещё одна кладка.

— Если на эти опустить? — спросила я.

Левон нагнулся рядом. От него пахло тёплой стружкой. Он весь день тесал колышки для ограды, которую собирался чинить ещё до нашего прихода.

— Тогда спуск крутой, — сказал он.

— Поднимем камнями середину тропы. Доски можно снять, когда закончится проба. Ничего в землю не забиваем.

Левон перевернул один из камней своей лопатой. Оказалось, что его плоская сторона куда шире, чем мы думали. Я набрала в подол мелких камешков. Пока выкладывала их к тропе, Левон сходил за сухими ветками и подложил их под самый край, чтобы землю не потянуло следом за ногой. Эмиль всё это время держал доски на весу. Когда мы наконец примерили первую, на ладони у него вспухла красная полоса. Он попробовал разогнуть пальцы и опустил руку. Я подержала доску, пока он встряхивал кистью. Обошлось без слов, и мы положили вторую ровнее, чем первую.

Левон ступил на кладку сам. На середине попрыгал, один раз, легко, как ребёнок на льду. От камней пошло короткое глухое эхо. Он вернулся, пропустил вперёд меня, а потом позвал Эмиля. После третьего прохода в одном месте всё-таки показалась вода. Мы сняли две верхние ветки, добавили плоский камешек и опять уложили доски. Теперь Левон прошёл не останавливаясь.

— До двух вечеров, — сказал он. — Завтра и послезавтра. Если сдвинется хоть на палец, я загорожу дорогу.

— Правильно, — ответила я. — Только дай знать, чтобы я не привезла людей к закрытой дороге.

Левон снял с ограды старую жестяную кружку и постучал по ней костяшкой. Звук был тонкий, зато ушёл по воде дальше, чем голос. Решили вешать её на отдельный столб. Два удара подряд означают, что на той стороне подход закрыт. У Марены будет старая сковородка на крюке. Звук от неё, по словам Левона, слышно даже в его дворе, особенно когда Марена очень сердится.

Мы забрали Марену ближе к вечеру. Перед тем как сесть в лодку, она подложила камень от затвора под край ступеньки и встала на самый угол. Ступенька не качнулась. У Левона мы втроём прочли разрешение.

— Два дня по тропе, во двор ни ногой? — спросила Марена.

— Два, — сказала я. — За лодку беру как раньше. Что вам нужно за проход, обсудим после пробы.

Левон придержал пальцем нижнюю строку.

— Доска сдвинется или уговор нарушат, я свой проход закрою.

— И я свой, — сказала Марена.

— Тогда я больше никого не повезу. Даже если на другом берегу ждут.

Марена подписала. Левон поставил подпись чуть ниже и дождался, пока я опущу печать в воск. После работы бронза лежала на ладони тяжело. Меня тянуло положить её на стол и оставить там на вечер. Я завернула печать в чистый угол фартука и убрала.

Марену отвезли обратно. Лодку оставили у неё на ночь с её согласия. До дома шли медленно. У Эмиля на рукаве лежала стружка, тонкая и почти прозрачная. Он хотел её смахнуть, но я сняла сама. Под пальцами он задержал руку, пока я расправляла стружку. Она распрямилась, проломилась посередине, и обе половинки ветер унёс к ограде.

— Где хочешь есть? — спросил он у дома.

Из столовой слышно было Оду. Она велела переставить жаровню к стене и спросила, почему одно место так близко к двери. Меня сегодня посадили бы во главе стола. Можно было заранее сказать, что я туда не сяду, и потратить вечер на объяснение, почему.

— У себя, — сказала я Эмилю. — Хочешь со мной?

Он нёс две тарелки вверх так, будто успел вымыть руки и взять их за края ещё до того, как я позвала. В комнате было прохладно. После свадебного вечера над изголовьем остались две нитки, на которых висел венок. Я решила снять их и полезла на кровать в чулках. Эмиль поставил тарелки на комод, подождал, пока я оторву первую, и протянул руку.

— Вторую дать тебе? — спросила я.

— Хотел придержать кровать. Скрипит.

Я села на край. Он подставил под ножку сложенную вдвое бумажку, которую вынул из кармана. Кровать перестала качаться. Эмиль не сел, пока я не подвинулась.

Мы ели с колен. В тарелке была репа с поджаренной корочкой. Последний кусок остался у меня, и я спросила, будет ли он. Эмиль согласился. Я поднесла ему вилку, но он поймал её у самой моей руки, прежде чем я успела отдёрнуть пальцы. Кусок репы качнулся. У него дрогнули губы. Я видела, что он сдерживает смех и что руки у меня сегодня пахнут затворной верёвкой, сколько бы я ни тёрла их мылом.

— Я тогда всерьёз говорил про ужин, — сказал он.

— До свадьбы?

— До. А потом почти не спросил, хочешь ли ты сама сидеть со мной.

Я передала ему вилку. За окном в ту сторону, где стояла мельница, на небе оставался светлый просвет. В нём дрожал пар над водой.

— Сегодня хотела, — ответила я. — Завтра спросишь ещё раз.

Он доел репу и собрал тарелки. У двери остановился, чтобы я могла взять с комода свечу. Так и стоял, пока я искала фитиль пальцами. Мне захотелось его окликнуть, попросить остаться подольше. Я уже открыла рот, но поняла, что, если попрошу его остаться, не захочу сидеть на другом конце кровати. Мне нравилось, что сегодня я смогла позвать его просто на ужин. Я отдала ему пустую вилку и сказала, что утром хочу сама открыть калитку. Он пообещал разбудить меня до первого стука.

Когда он ушёл, я поставила свечу на пол у двери. Через щель шёл воздух, и огонь тянуло в сторону коридора. Внизу у затвора стучало одно колесо. Теперь я различала, где удар приходится ровно, а где молот чуть запаздывает. Второго колеса за весь вечер я так и не услышала.

Глава 6. Двойная зарубка

Марена вышла, пока я смазывала щеколду. В руках у неё была миска, накрытая полотенцем. Она переступила через новую ступень, прижала миску к боку и качнула калитку локтем. Та сразу закрылась.

— С утра уже легче, — сказала она. — Хоть масло зря не перевела.

Я спросила, не её ли это масло. Марена ответила, что моё до первого дождя. Из-под полотенца пахло горячим хлебом. Она оставила миску на крайнем камне у изгороди и ушла кормить кобылу. Я думала, она так и останется за плетнём. Но когда с дорожки пришёл первый человек, оттуда негромко спросили, закрыли ли калитку.

До открытия мы с Эмилем переплыли проверить кладку у Левона. Она выдержала ночную сырость. Вернувшись, я попробовала поручень и принялась стирать воду с банок. Эмиль ждал у нижней скобы. Под ступенью звенело железное кольцо. До начала рейсов оставалось время. Я вытерла днище мешковиной, развернула лодку и оставила её носом вверх по течению, чтобы легче было выйти из обратки.

Семён пришёл пешком от старого причала. Он принёс короткую доску, которую я вчера не просила. На доске мелом были выведены две кривые стрелки. Одна смотрела к калитке, другая к берегу.

— Куда ставить? — спросил он.

— Верхнюю нарисуй вдоль изгороди. Пока только там стоять.

Он уложил доску на выступ, пошёл пробовать, видно ли стрелки с дороги, и едва не ушёл за угол. Я догнала его у бузины.

— Останешься у калитки? — спросила я. — Без человека на берегу придётся каждый раз привязывать лодку и бегать наверх самой.

Семён опёр доску о столб. Изнутри изгороди на неё легли круглые тени от листьев. Над второй стрелкой он провёл ребром большого пальца, чтобы остриё снова стало видно.

— Сегодня могу. Завтра тоже, если скажешь до вечера. Потом у меня свои дела.

Я сказала, что за два дня нам и надо узнать, сколько человек приходится на берег. На это он покачал головой.

— Сколько бы ни вышло, я здесь один. Человек за двоих не получается. Скажи Эмилю, чтобы он отнёс с дороги всё, что могут принять за место в очереди. Там скамья стоит. Сядет один, подойдут остальные, и пойдут ко мне через двор.

Вместо скамьи мы приволокли длинное бревно. Устроили его снаружи изгороди. Оттуда и до калитки был виден прямой проход. Семён нарисовал новую стрелку, а вторую доску Эмиль отнёс в лодку для Левона. Её можно будет поставить после первого рейса. Пока мы укладывали бревно, по тропе пришли первые трое. Одна женщина хотела спросить, где отдать плату, но Семён велел ей сначала подождать, пока лодка вернётся. У бревна можно было сидеть и видеть, подошла ли очередь.

В первые два часа люди приезжали по одному. Я брала обычную плату и складывала монеты в мешочек, который привязала к банке. Из него при каждом крене шёл тихий шорох. На дальнем берегу Левон отцеплял короткую цепочку, когда видел, что лодка уже встала у схода. Он делал это медленно. Пассажиры стояли на дороге и ругались между собой, зато ни один не спустился раньше времени.

Позже приехал тот двоюродный брат Эмиля, который на свадьбе всё пытался подлить мне сливовицы. Звали его Стас. С ним был работник из суконной, обе руки в белых крапинах. Стас сунул голову в калитку, увидел Семёна и сказал, что им на тот берег прямо сейчас.

— После женщины у столба, — ответил Семён.

— Она с рынка идёт. Мне надо к мастеру, прежде чем пустят молоты.

Он назвал Дину по имени и спросил, где Эмиль. Эмиль стоял чуть ниже, подтягивал колышек у новой ручки. Он услышал своё имя, обернулся и оставил колышек в земле.

— Рута в лодке, — сказал он. — Спрашивай у неё.

Стас спустился на один шаг. Семён встал так, что проход закрылся его плечом. Женщина у столба поправила узел на корзине и никуда не отошла. Я видела её лицо с воды. Когда Стас второй раз сказал «прямо сейчас», у неё из-под платка показались уши. Она оттянула ткань, чтобы лучше слышать ответ.

— Подождёшь у бревна, Стас, — сказала я. — С одного берега двоих возьму, если лодка ляжет ровно. Она была первой.

— Я тут с работником.

Работник в белых крапинах снял шапку. Положил её себе на ладонь, развернул и снова надел. Когда Стас повернулся к нему за поддержкой, тот сказал, что мастер уехал к Дине и молоты раньше его возвращения не пустят.

Стас ещё немного постоял в проходе. Потом поднялся к бревну и сел на самом краю. Женщина подвинулась к столбу, чтобы работнику тоже нашлось место. В лодку первой сошла она. После неё я взяла Стаса: он сел дальше от кормы, как я попросила, и всю дорогу держал её корзину, чтобы она не катилась мне под ноги.

Назад лодка вернулась пустой. Эмиль ждал у скобы. Я подумала, что он сейчас спросит, как я поладила с его роднёй, и уже готовилась сказать, что Стас заплатил сполна.

— Есть хочешь? — спросил Эмиль.

Он держал кусок хлеба, завёрнутый в Маренино полотенце. Корка с одного бока была ещё тёплая. Мы поделили его у калитки, пока Семён водил мелом по второй стрелке. У Эмиля на костяшке осталась белая крошка. Когда он заметил её, слизнул и посмотрел на меня. Я чуть не потянулась губами к тому же месту, сама не зная, зачем мне понадобилась эта крошка.

С дальнего берега ударили в жестяную кружку. Один раз, потом ещё. Я отдала Эмилю хлеб. Лодка была на привязи, и я оставила её так.

* * *

— Это что звенит? — спросили у бревна.

— Левон закрыл проход. Кто занял место, ждите здесь. За калитку пока никому.

— Мне к повитухе, — сказала женщина с корзинкой.

Она ещё постояла, перекладывая из руки в руку корзинку с чистым полотном, потом пошла к мосту. Край скатки прихватила придорожная ветка.

— Если откроете, передайте, — попросила женщина, высвобождая полотно.

На том берегу Левон показался у канавы и сразу исчез. Потом оттуда донеслось, как скребут по камню. Мы не могли разглядеть, что он делает. Семён принёс мне низкий чурбак, чтобы встать повыше. С него видно было, как Левон ведёт за ограду человека с пустой тачкой. Человек держал одну ручку, Левон другую. На середине тропы они остановились и переставили колесо через камень.

— Если он там задвинул доску, надо будет глянуть, — сказал Семён.

Мы дождались, пока Левон спустится к воде. Он обошёл камыш и поднял обе руки, чтобы я видела, что можно подойти. Я отвязала лодку, переправилась пустая и причалила ниже схода. Левон пропустил меня к канаве. На краю доски остался свежий след от колеса. Оно продавило землю возле камня, но кладка стояла на месте.

— Увидел, что люди идут, и решил срезать путь, — сказал Левон. — У меня завтра тачек по этой дороге будет четыре. Может, ещё чужих пустим?

— Пассажиров пока можно?

Он присел, вытянул из-под колеса пучок примятой травы и проверил пальцем опору. Я встала на край доски, потом перенесла вес на другой. Дерево отозвалось ровно. Левон сам прошёл до дороги и вернулся по тому же месту.

— Пеших пущу, — сказал он. — Утром поставим поперёк две жерди. Колесу не пролезть, а человек пройдёт.

На обратном пути села Полина. Сегодня у неё была одна корзина, она поставила её на дно и придерживала ногой. Когда мы отошли, я заметила на крышке круглый след. Полина поймала мой взгляд и сказала, что это от миски с яйцами. Миску оставила у внучки, вечером обещала забрать.

— Вот только мы теперь сколько будем платить? — спросила она.

— Как раньше, за рейс. Если хозяева захотят плату за проход, сначала скажу всем.

— Я про доски.

Полина откинула крышку. Под полотенцем лежал уголок бумаги, завёрнутый в обрывок клеёнки. Она протянула мне свёрток, я попросила придержать его до берега. Пока мы подходили к скобе, Полина несколько раз оправляла клеёнку, чтобы бумагу не взял ветер.

Наверху она разложила её на бревне. Бумага была серая, на ней с одного края сделали две зарубки. Одна глубже другой, так что между ними получался узкий зубец. Отец нарезал такие листки от руки. Нож он точил о наружную ступень, и прежде, чем вынуть его из-за пояса, всегда отряхивал сапоги, чтобы не занести песок в лодку.

— Ещё осенью внесла, — сказала Полина. — На весну, когда доски поведёт. Раз вы новую дорогу сделали, я и принесла. Два раза за одно мне многовато.

На квитанции стоял день, сумма и подпись отца. Внизу поместилось два слова: «Содержание прохода». Я знала отцовский почерк по спискам, которые он оставлял дома. Однажды он попросил меня поставить на целую стопку листков эти надрезы, а я уговорила его вырезать на моём три. Он отказался и дал мне точить нож. До сегодняшнего дня я думала, что это просто его способ не перепутать разные квитанции.

— Это ты ему отдавала? — спросила я.

— В руки отцу. Они с конторским сидели вдвоём. Твой выписал мне бумажку, а деньги сразу передал ему. Я тогда ещё спросила, успеют ли поправить нижнюю ступень, пока лёд не пошёл.

Край бревна под моим большим пальцем был гладкий от чужих рук. Три дня я никого не подпускала к старым доскам. Сегодня Полина дошла до лодки по Эмилевым. За проход она заплатила ещё осенью. Куда пошли её деньги, я не могла ей сказать.

— Дай до утра посмотреть, — попросила я. — Верну. И перед тем как брать за новый проход, разберусь с этим.

Полина завернула квитанцию, но узел не затянула. Подержала на ладони и только потом отдала.

— В сумку к рыбе не суй. Я эту бумажку всю зиму хранила.

Она пошла домой. Я спустилась к лодке за следующим пассажиром. При каждом толчке в мешочке шевелилась сегодняшняя мелочь. До вечера я привезла ещё двоих с дальнего берега, оба пришли без тачек. Под конец Левон ударил по кружке один раз, и Семён отозвался сковородой. Так мы договорились закрывать обычный день. Я попросила Семёна прийти и завтра, он согласился. У бревна остались следы от двух каблуков, на тропе у калитки россыпь свежей земли. Завтра её надо будет смести до начала работы.

Эмиль помог вытащить лодку под ступень. Марена дала оставить её ещё на ночь. Я распустила мешочек, пересчитала деньги и завязала горловину, чтобы убрать его в карман. Квитанция Полины была в другом, отдельно. Я вынула её, когда мы поднялись на дорогу.

— Ты эти зарубки знаешь?

Эмиль взял бумагу за середину. Сначала поднёс к свету подпись отца. Потом перевернул и пальцем провёл по узкому зубцу.

— Знаю. Такие платежи принимали и в конторе. В ведомости шли вместе со сборами за причал.

— На что их тратили?

Эмиль долго смотрел на оборот. Там был только след от клеёнки, мягкий жёлтый квадрат.

— Могу завтра достать книгу, — сказал он. — За столом мы видели, сколько внесли. Что ушло на доски, по памяти не скажу.

Я протянула ладонь, и Эмиль сразу вернул квитанцию.

— Одной книги хватит?

— Пока не знаю. Начнём с неё. Если там всё записано одной суммой, попросим Полину сказать, кто ещё платил.

До дома мы шли вдоль нижней дороги. Через мокрую траву воздух поднимался холодный, а у стены двора ещё держалось тепло. Эмиль остановился под лестницей. Ему надо было идти через кухню, мне можно было подняться прямо отсюда. Я подтянула ворот жилета, чтобы за него не забрался холод, и вспомнила, как Эмиль слизнул с пальца хлебную крошку.

— Ты куда сейчас? — спросила я.

— Поставлю сапоги у печки. Потом пойду наверх к себе.

Он уже взялся за ручку двери. Я стояла на первой ступени, и мы оказались почти одного роста. С этой высоты было видно, что он держит ручку еле-еле. Дверь могла открыться от его веса, если бы он подался вперёд.

— Поцелуй меня, — сказала я.

Он выпустил ручку. Сначала коснулся губами уголка моего рта, так осторожно, что мне захотелось наклонить голову и самой найти, куда. Я взялась за ткань у него на плече. Она была холодная снаружи, в складке от руки осталась тёплой. Когда мы отступили, его лоб ещё касался моего. Никто из нас не спешил к лестнице.

— Завтра книгу покажешь мне с утра? — спросила я.

— До калитки. Если понадобится другая, скажи.

Уже в комнате я развернула клеёнку. Квитанция всё время пыталась свернуться по старому сгибу. Я прижала её ключом от отцовского причала и придвинула свечу поближе, чтобы прочитать мелкое число перед подписью.

Глава 7. На общей строке

Эмиль постучал, когда у меня была продета только одна рука в жилет. Я узнала его по тому, как после второго стука он отступил от двери. Половица там выгибалась у стены и скрипела даже под кошкой.

— Книгу принёс, — сказал он. — Могу оставить на подоконнике.

Я дёрнула жилет за ворот, и вторая рука наконец нашла пройму.

— Входи. Подоконник холодный.

Эмиль вошёл с книгой под мышкой и поставил на комод две чашки. В одной плавал чайный лист, уже почти чёрный. Он подтолкнул эту чашку ко мне.

— Мне достался из носика. У тебя покрепче.

Он сказал это ровно. Только когда потянулся к своей чашке, задел блюдце большим пальцем. Оно звякнуло. Вчера под лестницей я стояла близко и могла слышать, как у него меняется дыхание. Теперь между нами был комод, и достаточно было посмотреть на его руку, чтобы вспомнить, какая у него нижняя губа.

Ключ всё ещё лежал на бумаге возле свечи. Я подняла его за кольцо. Квитанция свернулась, а Эмиль успел подставить ладонь и остановил её у самого края.

— Пять медяков, — сказала я. — Двадцать девятого числа, в конце осени.

Он развернул книгу на подоконнике. От стекла потянуло холодом, и страницы поднялись. Эмиль удержал одну запястьем, другую краем чашки. На сгибе осталась выемка от шнура. Книгу стягивали так плотно, что бумага у корешка потемнела полоской.

— Вот осень, — сказал он. — Когда твоего отца просили сидеть в конторе, он приходил в базарные дни. Раз в неделю. Отмечали всех, кто приносил на берег.

Имена шли неровными столбиками. Кто-то ставил рядом с именем число двора, а кто-то писал, через кого передали. «От Петра, с женой». «Деду при мельнице». Одну запись размазали пальцем ещё до того, как подсохли чернила. Я разобрала фамилию Полины по последним двум буквам и попросила Эмиля придвинуть книгу.

На одной строке стояло её имя, пять медяков и две наклонные чёрточки. Дата совпала. На квитанции было написано, что деньги идут на содержание прохода. В книге над строкой стояло только «Сборы с причала».

— И плата за перевоз сюда? — спросила я.

— Перевозчик оставлял себе то, что брал за рейс. Сюда шли сборы, за которые отвечала семья. Смотри на значок рядом с суммой. Две чёрточки есть у многих. У тех, кто платил за хранение лодки, писали «место».

Я провела пальцем от первой двойной черты к последней. На следующем листе их стало меньше. По записи на полях выходило, что сбор шёл до ледостава. В строке ниже подвели итог и отдельно вывели три талера под двойной чертой. Стрелка уводила их вправо, за край столбца. Там стояло «В общую кассу» и число.

— Дальше где? — спросила я.

Эмиль перелистнул страницу. Начинался учёт зимних стоянок. Под ним шла бумага, потоньше прежней. Если поднять её к стеклу, через неё видно было окно соседнего дома.

— Приход в общей книге, расход рядом, — сказал он. — Эту я взял у себя. Общая у Оды под замком.

— Ты видел раньше, что сборы складывали вместе.

— Видел. Пока общая книга была у меня, листы приносили по одному. Могло пройти две недели, прежде чем деньги, записанные здесь, появлялись там. Ода любила сперва закрыть месяц.

Мне вспомнилось, как Ода недавно оставила конверты под ладонью и подписывала их, пока за дверью стыл ужин. У неё дома можно было узнать, сколько яиц взяли на пирог и сколько чистого сукна ушло на одну штору. Чтобы найти пять медяков, которые взяли у Полины, понадобилась квитанция, две книги и ключ от ящика, которого при нас не было.

— Я хочу увидеть обе строки, — сказала я. — И приход, и расход.

Я уже взялась за край книги, чтобы отодвинуть её, но Эмиль придержал обложку.

— Сделаем выписку?

Я продиктовала имя Полины, число и пять медяков. У трёх талеров остановила его.

— Тут припиши, что это итог за последние базарные дни. Её пять медяков тоже сюда вошли.

— Своё имя тоже поставь, — сказала я.

Он поднял перо. Мне стало видно, где по краю пера сходятся две половинки. Чернила в щели заблестели, и на кончике повисла капля.

— Что именно подписать?

— Что мы оба видели эту строку. Для себя, пока книга здесь.

Он прижал перо к листу и подписал. Потом повернул лист ко мне и подложил под запястье сложенную тряпицу. Перо зацепилось за бумагу, и мне пришлось повернуть его, чтобы провести последнюю черту. На бумаге оказалось две подписи рядом. Вчера я попросила его о поцелуе всего на ступеньке выше кухонной двери. Хотелось сейчас зацепить его руку пальцем, хоть на миг. Он убрал перо, и я зацепила. Эмиль придвинулся так, что рукава легли один к другому. Ничего больше я пока не просила.

Чай мы допили стоя. Выписку я сложила вчетверо и спрятала отдельно от Полининой клеёнки. Квитанция пошла в верхний карман, откуда её можно вынуть одной рукой. Перед выходом Эмиль ещё раз проверил, не оставил ли след от чашки на книге. Следа не было. На подоконнике осталось два мокрых кольца.

* * *

У Левона до открытия поставили две жерди поперёк тропы. Он принёс их из своего двора, Семён переправился с молотком и скобами, а я держала лодку у схода, чтобы в случае чего можно было подать ещё одну верёвку. Жерди разошлись по высоте. Человек мог между ними переступить, взявшись за верхнюю. Колесо упиралось бы в нижнюю. Левон сходил по ту сторону канавы, поднял с дороги пустое ведро и вернулся с ним, чтобы проверить, как здесь будут идти с грузом.

— С ведром хорошо, — сказал он. — С бабкой на спине хуже. Кто сегодня придёт с бабкой, пусть зовёт меня.

Мы подняли знак у воды. На нашей стороне Семён первым делом отвёл от бузины собаку, которую кто-то оставил держать место. Собака ушла нехотя. В колее остался такой глубокий отпечаток лапы, что первый пассажир принял его за дырку и переступил.

Полина пришла сразу после него. Я позвала её под навес у Марены, где с утра ещё стояло пустое ведро от овса. Там было тихо и можно было разложить бумагу на перевёрнутой кормушке. Я отдала ей квитанцию. Полина вытащила лист из клеёнки, ощупала обе зарубки, потом расправила угол. Разговор начала только тогда, когда снова всё завернула.

— Нашла?

— Нашла твоё имя и деньги. Собранное вместе отдали в общую кассу. За что оттуда платили, ещё надо смотреть.

Она разгладила клеёнку ладонью. В сгибе застряло короткое белое пёрышко, и она долго вынимала его двумя пальцами.

— Лида платила, — сказала Полина. — С двора у печей. И ещё Михай за дочь. Ты спроси у них самих. Мою бумагу пока на весь двор читать не надо.

— Без тебя не стану.

— Вот это скажи Эмилю тоже.

Я позвала его от воды. Пока он шёл, Полина завернула квитанцию заново и спрятала в рукав.

— Выписка у Руты останется, — сказал Эмиль, выслушав нас. — Если понадобится ещё кому показать, сперва к тебе придём.

Она смерила его взглядом, будто он был человеком, которому предстояло донести ведро по новой жерди, и спросила, где очередь на тот берег.

До полудня лодка почти не стояла. На каждом берегу нашлось по человеку, который вчера не успел и сегодня пришёл раньше работы. Я к концу второго часа перестала спрашивать, куда им надо. Достаточно было слышать, как они договариваются, кто выйдет первым и кто донесёт чужую коробку до дороги. На обратном пути один пассажир всё время смотрел в воду. Когда мы причалили, он спросил, не бывало ли, что здесь меняется течение. Я сказала, что ближе к лету придётся брать выше. Он достал из кармана короткую белую нитку, привязал к ручке своей корзины и попросил завтра снова посадить его у борта, с которого хорошо виден камыш. Ему хотелось к этому привыкнуть.

Я напомнила, что сегодня последний день допуска.

— Я думал, испытание прошло, — ответил он. — Доска же держит.

У Семёна была плоская щепка для отметок. Он ставил на ней углём чёрточку, когда лодка шла полная и кому-то приходилось ждать. К обеду с одной стороны щепка почернела до краёв. Я взяла её с собой, когда пошла к Марене. Она сидела у кормушки с ремнём на коленях. Пряжку держала в зубах. С самого утра кобылу было слышно, а выгнать её с двора Марена так и не успела.

— У тебя Семён на тропе, — сказала она, вынув пряжку. — А я за оградой всё равно слышу каждый раз, как дети тянут калитку. Как уйти на луг? Я вчера работника за сеном не пустила, сегодня сама должна.

— Можно оставить Семёна у тебя. С другого берега Левон пока справляется.

— Пока у него двое. Вот привезёшь к нему десятерых, посмотрим, кому он оставит кур.

На рейс до дальнего берега Марена села рядом со мной. Ремень она успела починить и оставила за оградой. В лодке ей впервые за день нечего было держать, кроме края борта. Я не стала торопить её с разговором. Отойдя от скобы, мы увидели, как за двором, там, где кобылу давно пора было выпустить, ветром мотает пустую привязь.

У Левона пришлось ждать, пока он перенесёт за ограду корзинку с яйцами. Пока он ходил, Марена опёрлась о верхнюю жердь. Я подложила под неё щепку Семёна, чтобы она видела, сколько народу пришлось задержать. Левон вернулся и спросил, кто ещё будет держать тропу, если оставить переправу на завтра.

— Семён день отработал, — ответила я. — Ему надо домой. Можно спросить у людей, кто захочет постоять.

Левон подвинул щепку ко мне.

— На сегодня я обещал. Дальше назови имя человека и час. Сам я завтра выйду за досками, Марена на луг. Люди придут, дёрнут, и потом кто кому будет объяснять?

До вечера можно было найти одного человека, который согласится встать у любой калитки. Я знала таких двоих. Один жил у нас, второй на посёлке, и обоих надо было сперва спросить, когда у них заканчивается своя работа. Ещё двоих пришлось бы искать на случай, если те не придут. До последнего рейса я бы не успела даже обойти дома.

— Тогда на завтра закроем, — сказала я. — Давайте спросим обоих берегов, кто сможет держать проход. Если будет кому, поговорим о следующих днях.

Марена убрала ладонь с жерди. Левон переставил корзинку с яйцами подальше от канавы. Он уже собирался что-то сказать. Внизу к лодке подошёл человек и спросил, за новый проход

кто будет собирать, Рута или Тарвены. Оказалось, по дороге ему сказали, что первые два дня мы взяли деньги вперёд.

— За лодку брала Рута, как на старом месте, — сказал Эмиль с площадки у воды. — За тропу ни она, ни дом ничего не получали.

Человек посмотрел на меня, дождался, когда я кивну, и пошёл за своей корзиной. Марена, пока я собирала людей к последнему рейсу, тихо сказала, что ей к завтраку больше всего хочется пройти через собственный двор с открытыми воротами. Я сказала, что на завтрашнее утро у меня тоже есть одно дело. Посмотреть, что записано в книге, которую дома держат под замком.

Последним рейсом я отвезла её обратно. Семён снял со столба доску со стрелками и понёс домой под мышкой. Мне Марена разрешила оставить лодку ещё на ночь, чтобы с утра забрать её из-под ступени, если нам не дадут нового прохода. Мы поднялись к воротам вместе. Там уже ждал тот пассажир, который привязал нитку к корзине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.